

A movie poster for the film 'Marmelad'. The image features a man and a young girl in a snowy, desolate forest. The man, on the left, has dark, curly hair and blue eyes, with visible scratches on his face. He is wearing a dark, heavy coat over a light-colored shirt and a patterned tie. The girl, on the right, has long, wavy brown hair and striking blue eyes. She is also wearing a dark coat. The background is a misty, snow-covered forest with bare trees. The overall mood is somber and mysterious.

МАРМЕЛАД

ПО ТУ СТОРОНУ СВЕТА

18+

Мармелад
По Ту СтОрОнУ сВеТа

«Автор»

2026

Мармелад

По Ту СтОрОнУ сВеТа / Мармелад — «Автор», 2026

Милovidный мальчик девяти лет и сероглазая девочка потеряли родителей
Их под опеку взял старый дядяКогда дети выросли то сильно поссорились
с дядей и уехали из домаСпустя 5 лет им приходят письма что дядя мертв
они возвращаются домой но попадают в зону сверхъестественного им и двум
молодым парням один из которых со шрамом на лице придется раскрыть
заговор дяди и старого дворецкого

© Мармелад, 2026

© Автор, 2026

Содержание

То самое письмо	5
Добро пожаловать домой	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Мармелад По Ту СтОрОнУ сВеТа

То самое письмо

В комнате царил тяжёлый, давящий полумрак. Казалось, сам воздух здесь застыл, сделавшись осязаемым, пропитанным сыростью и глухим, неподъемным отчаянием. Единственный источник света — догорающий камин — уже не дарил тепла. Багровые угли бессильно тлели под толстым слоем серой золы, бросая на стены уродливые, ломаные тени, которые дрожали и вытягивались, словно пытались дотянуться до замершей в кресле фигуры.

На краю дубового стола сиротливо застыл бронзовый канделябр. Свечи в нём давно погасли и оплыли, оставив после себя лишь причудливые застывшие потеки воска и едва заметные струйки сизого дыма, растворяющиеся в удушливой тишине. За высоким готическим окном нещадно хлестал дождь. Тяжёлые капли с силой барабанили по стеклу, будто безумцы, пытающиеся прорваться внутрь, в эту холодную обитель скорби. #

Именно в этой угрюмой полутьме, согреваемая лишь угасающим дыханием очага, сидела Элизабет.

Конверт лежал на её коленях — тяжёлый, из плотной бумаги цвета топленого молока, которая за годы ожидания в закромах поместья слегка пожелтела по краям. На обратной стороне красовался массивный оттиск тёмно-красного сургута. На печати всё ещё чётко просматривался родовой герб дядюшки Кроули: ворон, сжимающий в когтях песочные часы. Эта печать, когда-то казавшаяся Эли символом нерушимой защиты и власти, теперь выглядела как надгробный камень, запечатавший их прошлое.

Она осторожно извлекла из конверта лист дорогой пергаментной бумаги. От него исходил едва уловимый, до боли знакомый аромат: смесь запахов старой библиотеки, воска и того самого мятного чая, который всегда заваривали в доме. Каллиграфический почерк Чака, обычно безупречный и летящий, в этот раз выглядел изломанным. Буквы местами дрожали, а в некоторых местах чернила слегка расплылись, словно на бумагу упала капля воды... или слеза.

«Мои дорогие Вилли и Эли!

В этом мире всё когда-нибудь заканчивается... Отцветает в свой срок цветок, увядают осенью листья, и даже сама жизнь, бурлящая ключом, однажды завершает свой земной путь.

Дорогие мои, за те долгие годы, что мы провели вместе, вы стали для меня такой же родной семьёй, как и дядюшка Кроули. Я всё ещё помню, как прятал от вас конфеты в серванте, как брал на себя вину за пролитый вами хозяйский кофе, и мне уже не сосчитать, сколько разбитой вами посуды осталось на моей памяти. Но я надеюсь, что ваша память окажется милосерднее моей — вы забудете былую ссору с дядюшкой и вернётесь домой как можно скорее.

Я пишу вам эти строки с величайшей болью в сердце и дрожащими руками. На мои плечи легла тяжёлая ноша, и я молюсь, чтобы вы не отвернулись от нас в этот тёмный час. Ваш любимый дядя — и мой благородный хозяин — покинул наш призрачный мир, отправившись в лучшее место. Его большое, горячее сердце не выдержало долгой разлуки. Верю, вы захотите попрощаться с ним.

С глубоким уважением, ваш дворецкий Чак».

*

Эли перечитывала эти строки снова и снова, уже в тридцатый раз. По её бледным, нежным щекам непрерывно катились горькие слёзы.

Элизабет обладала хрупкой, почти эфемерной красотой: тонкие черты лица, фарфоровая кожа и копна длинных, темно-каштановых волос, которые сейчас беспорядочно рассыпались

по плечам. Её огромные, глубокие серые глаза, обычно сиявшие тихим умом, теперь потемнели от горя и припухли от слёз. По характеру Эли была душой их маленькой семьи — чуткой, ранимой и способной сопереживать чужой боли сильнее, чем своей собственной. Она всегда жила сердцем, бережно храня воспоминания о прошлом, что делало её беззащитной перед лицом утраты.

В дрожащих пальцах она снова сжала письмо. Грубая текстура пергамента царапала кожу, но Эли не выпускала его, словно этот клочок бумаги был единственной нитью, связывающей её с домом. В комнате становилось всё холоднее. Камин окончательно потух, и темнота, словно почуввав слабость хозяйки, плотнее сжалась вокруг её кресла.

Уже полчаса она сидела неподвижно, не в силах принять страшную правду. Разум упрямо уносил её в лабиринт воспоминаний. Вот дядюшка Кроули укрывает их одеялом и рассказывает сказки о благородных рыцарях; вот он весело гоняет с ними мяч по саду или так завораживающе красиво играет на фортепиано...

Она знала, что этот день когда-нибудь настанет. Все мы смертны. Но Эли никак не могла простить себе одного: она так и не успела извиниться перед ним за ту их последнюю, глупую ссору.

Из этого оцепенения её вырвал резкий, тяжёлый стук в дверь, прозвучавший в мёртвой тишине комнаты подобно выстрелу.

— Войди... — едва слышно прошептала девушка, чувствуя, как от слёз перехватило горло.

Дверь приоткрылась, и на пороге появился её брат, Уильям.

Он был полной противоположностью сестры. Высокий, статный, с резкими, мужественными чертами лица и вечно растрепанными золотисто-русыми вихрами, Уильям казался баловнем судьбы. Его визитной карточкой был богатый, бархатный голос, способный очаровать любого. Уильям привык носить маску циника, которому всё нипочем, но за этим фасадом скрывался гордый и упрямый характер. Он ненавидел показывать слабость, поэтому предпочитал защищаться иронией, даже когда его собственная душа разрывалась на части.

Едва взглянув на сестру, он встревоженно замер в дверном проёме, где сквозняк колыхал полы его пальто.

Уильям небрежно кивнул в сторону брошенного на столе конверта, пытаясь скрыть внезапное волнение и не смотреть сестре в глаза.

— Очередное послание от дядюшки. Я даже не стал его вскрывать — руки не дошли. Что там? Снова просит прощения за то, что выставил нас за порог?

В его голосе звенела ирония, за которой он прятал старую обиду.

— Его больше нет с нами, Вилли... Это письмо от Чака, — севшим голосом перебила его Элизабет.

Уильям осекся. Напускная уверенность мгновенно покинула его, оставив бледным и растерянным в полумраке коридора. — Как это... «нет»? — Я не знаю подробностей. Нам нужно ехать.

Элизабет хотела добавить что-то еще, но Уильям перебил её, поспешно натягивая обратно свою маску равнодушия: — Да, ты права. Нужно успеть, пока нотариус не огласил завешание.

Но стоило ему зайти в свою комнату и начать собирать вещи, как в груди заняла тупая тоска. Память вернула его в ту дождливую ночь, когда они расстались с Кроули на неприятной ноте. Уильям хотел остаться и перенять дело, но старый упрямец решил, что его ремесло скоро «загнётся», и отправил племянника на учёбу, чтобы тот не остался «у пустой консервной банки» — без гроша в кармане.

Тяжелый ком подступил к горлу. На глазах вечно веселого Уильяма проступили слезы. Он замер над открытым чемоданом, а в голове пульсировала только одна мысль:

«Я просто хотел быть рядом... папа».

*

Добро пожаловать домой

Дорога в родные края растянулась на долгие, изнурительные двенадцать часов. Уставшие, опустошённые и продрогшие до костей, брат с сестрой наконец стояли перед тяжёлыми дубовыми дверями особняка. Когда-то, в далеком детстве, они считали это место своей крепостью и самым уютным домом на свете. Теперь же они смотрели на потемневший от сырости фасад так, словно перед ними был вход в заброшенный фамильный склеп.

Прежде чем Уильям успел коснуться дверного молотка, створка бесшумно приоткрылась. На пороге появился седовласый мужчина. На вид ему было около пятидесяти. Невысокий, с заметно округлившимся за годы разлуки животом, который упрямо выпирал из-под безупречно выглаженного жилета в серую клетку. Несмотря на легкую недельную щетину — верный признак глубокого траура, — дворецкий выглядел невероятно официально. Стрелки его брюк казались вычерченными под линейку, воротничок рубашки слепил глаза белизной свежесвыпавшего снега, а начищенные до зеркального блеска туфли отражали растерянные лица молодых людей.

— Всё ещё скрипишь, старый друг? — негромко произнес Уильям, первым протягивая дворецкому руку для пожатия.

— Приходится, сынок. Кому-то ведь нужно следить за этим замком, — тепло отозвался Чак.

Он шире распахнул дверь, приглашая их войти. Глаза старого слуги светились искренней, почти отцовской радостью от долгожданной встречи. Однако этот миг душевного тепла быстро сошел на нет, стоило Чаку заметить третьего гостя, замыкавшего процессию.

Это был молодой человек с длинными, небрежно стянутыми в хвост волосами. На нём были темно-синие джинсы в обтяжку, простая чёрная футболка и потертая кожаная косуха, наброшенная на плечи. Чак, воспитанный старой школой и привыкший к строгому этикету своего покойного хозяина, едва заметно поморщился. Появление этого парня, подозрительно похожего на рок-музыканта, явно оскорбляло консервативные чувства дворецкого.

Заметив это, Эли поспешила вмешаться и робко представила спутника:

— Чак, это Макс. Мой жених.

Дворецкий мгновенно сменил гнев на милость — точнее, профессионально спрятал недовольство за маской вежливости. Он молча склонил голову, приветствуя гостя. Но когда Элизабет проходила мимо него в прихожую, Чак склонился к её уху и едва слышно прошептал: — Господин Кроули этого не одобрил бы.

Эли ничего не ответила. Она лишь опустила глаза, прекрасно понимая, что старик прав. Именно поэтому она так и не решилась познакомить Макса с дядей при его жизни.

*

Они прошли в просторную столовую. Оказавшись у стола, Уильям и Элизабет машинально, повинуясь многолетней привычке, заняли свои детские места: Вилл сел по правую руку от массивного кресла во главе стола, а Эли — по левую. Так их когда-то приучил дядя.

Макс, почувствовав витающее в воздухе напряжение и не желая окончательно портить отношения с грозным дворецким, тактично сел рядом с Уильямом. Этот жест принес Чаку маленькое, но ощутимое удовлетворение: парень хотя бы знал своё место и не покусился на пустующий стул покойного хозяина. Дворецкий одобритительно кивнул и поспешил на кухню. Гостей нужно было накормить с дороги.

К приезду наследников Чак приказал новой кухарке приготовить их любимые блюда. Молодая помощница изрядно расстаралась, накрыв едва ли не королевский банкет. На столе красовалось разнообразие изысканных закусок: миниатюрные тарты с лесными грибами, канапе с сочной ветчиной, брускетты с нежным сливочным сыром и слабосоленым лососем.

Следом шли лёгкие салаты и горячее — потрясающе ароматные запечённые перепёлки с золотистым картофельным пюре, щедро политым топленым маслом и посыпанным свежей зеленью. Девушка даже успела испечь два противня пышных, ещё горячих сдобных булочек, которые так обожала Эли.

А вот заваривать чай Чак никому не доверил. Это был его личный ритуал. Он подал его в фамильном фарфоровом сервизе, добавив к десерту пластинки тягучей солёной карамели, воздушный зефир и обсыпанный сахаром мармелад — ведь Уильям с детства был неисправимым сладёной.

Ужин был восхитительным, но проходил в удушающем, тягостном молчании. Наконец, Уильям не выдержал и прервал тишину резким вопросом: — Чак, а где сейчас Марта? Почему стол накрывала незнакомая девушка?

Дворецкий вздрогнул. Он явно не хотел начинать этот разговор сейчас, но отступить было некуда. — Марта погибла два года назад, сынок. Попала в автокатастрофу, — тихо ответил он и, заметив, как помрачнел Уильям, тревожно спросил: — А что такое? Еда не нравится? Что-то приготовлено не так? — Нет, всё приготовлено более чем сносно... — нерешительно протянул Уильям, ковыряя вилкой в тарелке. — Просто... чего-то не хватает.

«Ну и зануда», — мысленно усмехнулся Макс, глядя на его капризный вид.

А вот Эли грустно улыбнулась словам брата. В её глазах снова заблестели слезы. — Любви и теплоты, Вилли. Картошку Марта обязательно бы пересолила, и у них с дядей прямо за этим столом началась бы очередная перепалка.

— Точно! — воскликнул Уильям, и на его лице впервые за вечер промелькнула тень прежней живой улыбки. Он забавно насупился и принялся передразнивать голоса покойных: — «В моё время, Марта, тебя за такое святотатство выпороли бы розгами на конюшне!» — «Ну так найди себе другую прислугу, старый ты пень, раз думаешь, что кто-то ещё пойдёт работать за твоё грошовое жалованье!»

Вилл рассмеялся, но смех этот вышел горьким.

— Ну, справедливости ради, платил ей господин Кроули всегда более чем щедро, — мягко вмешался Чак, нарушая минутное веселье. — А в её последний месяц и вовсе поднял жалованье на одну пятаю. Вот только Марта... Марта начала эти деньги пропивать. Оттого и уснула за рулём в ту роковую ночь. Ваш дядя потом очень долго винил себя в её смерти. Считал, что это его щедрость сгубила женщину.

После его слов в столовой повисла тяжёлая, неловкая пауза. Смерть снова незримо вошла в комнату, напоминая о себе.

Чтобы хоть как-то отвлечься от давящих мыслей, Эли принялась разглядывать обстановку столовой. И только сейчас она заметила одну деталь: Чак, как и много лет назад, тихо стоял в углу у буфета, сложив руки за спиной. Он не садился с ними, готовый в любую секунду подать приборы или сменить тарелку. Раньше это казалось естественным правилом дома. Но сейчас, когда хозяина не стало, а они сами давно выросли, его одинокая фигура в углу выглядела невероятно сиротливо.

Вот отредактированная и стилистически выверенная финальная часть второй главы. Я сделал акцент на психологических деталях: растерянности Макса, деловитости Уильяма, шемящей грусти Эли и пугающе изменившемся поведении дворецкого.*Глядя на сиротливую фигуру старика, Эли почувствовала, как у неё сжалось сердце. Ей в голову пришла простая, но смелая мысль.— Чак, — мягко позвала она, нарушая гнетущую тишину. — В вашем возрасте вредно так долго стоять на ногах. Пожалуйста, присядьте с нами и поужинайте. Хотя бы раз в жизни. Вы ведь для нас тоже член семьи...Дворецкий перебил молодую хозяйку на полуслове — мягко, но непреклонно:— Благодарю вас, милая Эли, но я прекрасно знаю своё место. И оно точно не за этим столом. Ваш почтенный дядя никогда бы этого не одобрил, а я намерен хранить верность его правилам и после его ухода. Уильям тоже открыл было рот,

собираясь поддержать сестру и уговорить упрямого старика, но Чак предупреждающим жестом остановил его. Дворецкий сухо извинился и поспешил удалиться: ему нужно было немедленно распорядиться о подготовке ещё одной спальни для «нежданного гостя».*Закончив ужин в тягостном молчании, вся компания перебралась в огромный зал с камином. Макс пребывал в глубоком замешательстве. Оглядывая высокие сводчатые потолки, старинные гобелены и антикварную мебель, он никак не мог сопоставить эту роскошь со своей привычной жизнью. Парень и представить не мог, что его скромная невеста, работающая всего лишь стажёром-медсестрой в обычной школе, окажется наследницей столь величественного особняка. Уильям тем временем неторопливо прохаживался по зале, оценивающим и хозяйским взглядом окидывая то, что вскоре должно было стать его законным владением. Эли же подошла к старому фортепиано в углу. Она бережно провела кончиками пальцев по покрытой тонким слоем пыли лакированной крышке. Перед глазами живо встали картины из прошлого: вот дядя терпеливо учит её нажимать клавиши, а вот он задорно и громко хохочет, когда вместо мелодии у неё выходит какая-то нелепая какофония. От этих мыслей на душе становилось одновременно и тепло, и невыносимо больно. В этот момент в зале вновь появился Чак. Его тон разительно изменился. В голосе больше не было прежней теплоты — теперь он звучал сухо, холодно и властно, точь-в-точь как у покойного Кроули, когда тот устраивал дворецкому разнос за малейшую провинность. Эта странная метаморфоза почему-то насторожила и испугала только Эли. — Ваши комнаты готовы, — отчеканил Чак, глядя куда-то поверх голов гостей. — Я распорядился обо всём необходимом для похорон. Они состоятся послезавтра утром. Советую вам лечь пораньше и отдохнуть с дороги. Вам предстоит не самое приятное мероприятие. Что касается юридических вопросов: нотариус прибудет только в понедельник, так что вам придётся задержаться у нас на пару дней. Он выпалил это сухо, словно зачитывал официальный рабочий отчёт, и, резко развернувшись, скрылся в тёмном коридоре. Уильям даже не успел спросить его о главном — где сейчас находится ключ от закрытого кабинета дяди. Вскоре особняк погрузился в глубокий, тревожный сон. Эли, Уильям и Макс разбрелись по своим спальням. Каждый из них остался наедине со своими тяжёлыми мыслями в остывающих комнатах старого дома. Утро вечера мудренее. А завтра им предстояло столкнуться с лавиной проблем, которые принёс с собой этот траурный

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.